

Людмила
Толмачева

Снежное сердце

Людмила Толмачева

Снежное сердце

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Толмачева Л. С.

Снежное сердце / Л. С. Толмачева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Дана Снежкова – владелица художественной галереи, настолько увлечена своим делом, что все остальное, в том числе и мужа, отодвинула на второй план. Но его измену воспринимает как коварный удар в спину. Чем залечить такую рану? Конечно любовной интрижкой. Дане не подозревает, что ее связь со студентом – чей-то хладнокровный план. А судьба готовит новое испытание. Автокатастрофа станет для Даны точкой отсчета новой жизни.

© Толмачева Л. С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Людмила Толмачева СНЕЖНОЕ СЕРДЦЕ

Тонкая рука Даны машинально скользила по мягкой шерстке дремлющего кота, в то время как мысли ее кружились вокруг вчерашней презентации.

Интересно, какой отзыв накатает Преснин, завзятый эстет и автор разгромных статей?

Его едких рецензий побаивались даже самые маститые деятели, имевшие прочный авторитет в мире искусства.

А! Черт с ним! Пусть «критик румяный» ярится, ей не привыкать. Хуже, если совсем промолчит. Молчание Преснина – дурной симптом, означающий, что презентация не стала «явлением», а мелькнула в череде плановых мероприятий, пусть и добротно, со вкусом исполненных.

Дана поежилась, тряхнула головой, как бы отбрасывая неприятную мысль, и ласково потрепала кошачий загривок:

– Что, Мартюша, идем завтракать?

– Мурр, – ответил усатый баловень, спрыгнул на пол и с царской величавостью направился в столовую.

Пронизанная светом, огромная кухня-столовая, предмет зависти подруги Анжелы, этим утром была по-особому хороша. Все в ней располагало к неспешному ритуалу, с черным кофе и гренками, на которых тонкий слой абрикосового джема был одновременно и лакомством, и украшением.

С мужем она не испытывала настоящего наслаждения от утренней трапезы. Его страсть к мясному часто была предметом их споров. Никакие доводы о вреде жирной мясной пищи не помогали. Олег упорно требовал к столу настоящей мужской еды, всячески высмеивая ее «глупые анорексические диеты».

Сегодня она проспала его уход на работу. Такое случалось нечасто, в основном, после открытия очередной выставки.

Но как хорошо посидеть за поздним завтраком, когда рядом никто не суетится, посматривая на часы, не включает спортивные новости с оглушительным: «Го-о-ол!»

Нет, она не стерва! Напротив, все видят в ней утонченную натуру, способную на возвышенное чувство и понимание. И Олег это видит. Но сам почему-то не считается с ее вкусами, попросту игнорирует их. Не ходит, например, на презентации, устраиваемые женой, но при этом лицемерно хвастает перед друзьями ее успехами.

Или взять летний отпуск. За все годы ни разу не съездили в те места, куда хотелось бы ей. Зато побывали на экзотических тихоокеанских островах, где до одурения плавали с аквалангами.

Бр-р! До сих пор снятся омерзительные рожи осьминогов. А медузы! Эти коварные железообразные чудовища с обличьем сказочных цветов. Боже, как она вначале восхищалась их «балльными танцами», пока одно очень грациозное создание, с античным именем Хризафора, не обожгло ей ладонь. Лишь после несчастного случая она узнала псевдоним этой красотки – морская крапива!

А как было бы чудесно пройтись вдвоем по набережной Сены, вбиная глазами и душой изысканность старинной архитектуры...

Разве можно в одиночестве любоваться ажурными очертаниями моста Искусств? Ведь это изощренная пытка – молча умирать от восторга, когда рядом нет человека, с которым хотелось бы его разделить.

А посидеть в кафе на Монпарнасе, где бывал Модильяни? Не в знаменитой «Ротонде», а в другом, поскромнее...

Сесть за столик друг против друга, заказать вино и, никуда не торопясь, потягивать его небольшими глотками, и обмениваться долгими взглядами, и говорить, говорить...

Впрочем, она была в Париже. К сожалению, зимой и без Олега. Он и слушать не стал о «мечте всей ее жизни», легко отпустил, мол, дыши парижским воздухом, сколько влезет, «меси городскую слякоть», а сам укатил с друзьями в Карелию, кажется, в Олонецкий район.

Хм... Замечательное слово – Олонец! Оно соскальзывает с языка как леденец. Кстати, неплохая рифма! Может, тряхнуть стариной – сочинить что-нибудь в духе романтизма? Помнится, в школе она лихо закручивала двустопным ямбом. Все эти бесчисленные сценарии, поздравления в стенгазетах...

Господи, какой наивной дурочкой она была! Все девчонки давно целовались с парнями, а кое-кто, Анжелка, к примеру, и запретного плода вкусить успели, а она над стишками корпела, вымучивая неподатливые рифмы.

В Испанию она тоже ездила без мужа. Опять же зимой, когда он охотился на волков.

До чего жестоки бывают мужчины! Убивать таких красавцев! Разве волк не родное дитя природы? Зверь живет в своем мире, где все подчинено закону выживания, а потому в ответе за стаю, за детенышей...

От этой мысли Dana напряглась, невольно перевела взгляд на портрет матери в хрустальной рамке, висевший в простенке между окнами, и тяжело вздохнула.

Мама-мамочка, так и не понянчилась с внуками! Ушла навеки, с тихой улыбкой на бескровных губах, прошелестев напоследок: «Внучку Женей назови, в честь бабушки».

Три года пролетело, как один день. Не дает бог детей... И заграницей на консультации побывала, своих корифеев почти всех обошла, и мужа уговорила анализы сдать – никакого толку. Остается ЭКО. Она запланировала эту процедуру на декабрь, после проведения осенних выставок.

Кофе остыл, пришлось подогревать. Включая кофеварку, Dana невольно залюбовалась живописным беспорядком обеденного стола.

По нему блуждал луч солнца. Преломленный колеблющейся от легкого ветерка шторой, он походил на речную волну, что лениво накатывает на песчаный берег. Золотистые тона предметов – кофейного сервиза, соломенной сухарницы, вазы с яблоками – обрели еще большую сочность и блеск. Центром этой жизнерадостной композиции был поджаренный ломоть с прозрачным слоем абрикосового джема.

Его розовато-оранжевый цвет что-то напоминает... Что-то очень близкое по времени... Ткань? Ну конечно же! Анжелкино шифоновое платье на вчерашней презентации. Оно выгодно подчеркивало ее смуглые атласные плечи и карие глаза.

Dana вздохнула, представив себя рядом с этой знайкой красавицей. Бледнокожая, да еще в костюме из голубой ткани с эффектом линялости...

Да уж... Где была ее голова, когда выбирала наряд? А еще свято верит в комплименты, дескать, у вас, Dana Михайловна, прирожденный вкус. Дура!

Хотя... Показалось или в самом деле она перехватила Анжелкин завистливый взгляд во время партии? Нет, все же показалось. До того ли было подруге?

Анжела «克莱ила» какого-то «хемингуэистского» господина. Ее томные взоры вкупе с обольстительной улыбкой говорили сами за себя. Дане был известен и набор фраз, используемых Анжелой для «охмуряжа». В нем сочетались три безотказные вещи: впечатления от выставки (с видом знатока), шокирующие комплименты собеседнику и утонченные жалобы на женское одиночество.

Похоже, что и в этот раз усилия подруги не пропали даром: на пресыщенной физиономии «Хемингуэя» появились заинтересованность и азарт любовника.

А она сама в это время болтала с Алешкой Липатовым. Бывший одноклассник говорил о школьных днях, смеялся, вспоминая самое «прикольное», а на прощание неожиданно выдал: «Ты и в школе была красавицей, но сейчас – супер!»

Ах, Алешка! До сих пор влюблен. Но ее не трогают липатовские признания. Его чувства не волновали и в юности.

Юность...

Дана поежилась, в который раз переживая события школьных дней, подаривших ей первую любовь – безответное, с привкусом горечи, сумасшедшее, незабываемое чувство.

В девятом классе, как это бывает, неожиданно и оттого весьма эффектно, под пристальными взорами учеников, к ним заявился новенький, Валерка Киселев, и с ходу покорил всех девчонок. Да что там девчонок! Молодые учительницы краснели и отводили взгляд, вызывая Киселева к доске. Анжелка, не долго думая, дала новенькому характеристику: помесь ангела, демона и снежного барса. На немой вопрос Даны подруга хмыкнула: «А сама не видишь? Кудри ангела, глаза барса и демоническая улыбка».

Наверное, с этого момента все и началось. На переменах Dana судорожно искала в толпе красивое Валеркино лицо, обрамленное пепельными кудрями, и всякий раз, встретившись с ним мимолетным взглядом, замирала, вспыхивала нежным румянцем, нервно дергала за руку Анжелку, бормоча что-то несвязное, глупое...

Увы! «Ангелоподобный демон» увлекся Москалевой, невзрачной зубрилой и отличницей. Правда, невзрачной ее видели только они с Анжелкой, так как Москалева не признавала косметику и повсюду ходила с лицом цвета замороженной трески. Но, если честно, у этой хладнокровной рыбы были явные преимущества – правильные черты на тонком бесстрастном лице и балетные ноги.

Но много ли стоят эти совершенства, если в глазах сквозит высокомерие, а улыбка, как редкое явление природы, больше удивляет, чем радует.

«Красота без щербинки все равно что небо без единого облачка – однообразна и утомительна», – высказался однажды Илья Васильевич, ее любимый учитель по основам мировой культуры. Dana соглашалась с ним, но в глубине души мечтала о невозможном – стать похожей на Москалеву. Подсознательно подражая сопернице, она даже пробовала изменить походку, но Анжелка заметила и высмеяла эти жалкие потуги.

Ну почему ей так не повезло? Колдунья-природа наградила ее носом матери, в то время как у отца был профиль римского легионера, причем чистокровного римлянина, а не какого-нибудь наемника из захолустья.

«Курносик», «Задира из Задорина» (родной город матери) и еще десяток милых кличек придумал отец для главной достопримечательности своей жены. Родители не скрывали любви, проявляя ее во всем, даже в ссорах. И ушли один за другим – сердце отца не вынесло вечной разлуки.

Вздернутый носик Dana, материнское наследие, часто был предметом шуток Олега. «И что я в тебе нашел? – спрашивал муж в постели, повернувшись набок и разглядывая ее лицо сквозь лукавый прищур голубых глаз. – Нос матрешки, глаза – горошки». Она воспринимала его слова как прелюдию любовной игры, впрочем, так оно и было, и все же в памяти копились мужчины оценки ее внешности, особенно те, что ранили, пусть и не больно, но все же...

Внезапно перед глазами предстал Париж. Тем промозглым январским вечером она случайно попала в небольшое кафе. Ее проводили к столику у колонны, накрытому клетчатой скатертью, и юноша-гарсон, типичный южанин с берегов Гаронны, склонился перед ней, предлагая карту вин. О том, что парень – с юга, красноречиво говорила его внешность: черные маслянистые кудри, забранные в пучок, горбоносый профиль, вычурная, словно у виньетки, линия чувственного рта и слегка выдвинутый вперед подбородок с мужественной ямкой посередине.

Нельзя столь открыто рассматривать мужчин, но она не могла оторваться. Таких красавцев она видела на картинах мастеров Ренессанса и не предполагала, что когда-нибудь один из них воплотится в официанта парижского бистро и будет прислуживать ей с пленительной улыбкой на вишневых губах.

Когда он подошел к ее столику и понял, что перед ним русская, выражение лица моментально изменилось, как показалось Дане, стало хитровато-двусмысленным. Парень явно соблазнял ее – строил глазки, говорил вкрадчивым грудным голосом, жестикулировал, демонстрируя великолепной формы руки, даже «нечаянно» прикоснулся к ее плечу, правда, тут же рассыпался в извинениях.

В мужчинах ей всегда претило откровенное кокетство, говорившее о недалекости ума, но в этот раз ее женское начало бунтовало. Пока пила кофе и ела свежий круассан, не ощущая вкуса ни того, ни другого, ловила себя на крамольных мыслях.

Нет, ее не манила перспектива интрижки. Она не способна на скоропалительную связь... Но были задеты чувственные струны, о которых раньше она не подозревала. Что это? Сексуальный голод? Чувство неудовлетворенности таится в глубине ее души и однажды прорвется необузданной страстью к какому-нибудь сексапильному мужчине?

Фу, какой вздор!

Почему она вспомнила тот далекий парижский вечер и стройного гарсона? Что за извины мыслей? Зачем в такое утро забивать голову всякой чепухой? Лучше проанализировать вчерашнюю презентацию.

Итак, все было «на достаточно высоком уровне», как выразилась Миронова из департамента культуры...

Господи, какая скука! То ли дело Преснин! Увидел главное – своеобразие стиля Мечникова – и вдохновенно, по-преснински витиевато и многословно, но по сути очень точно, открыл присутствующим смысл и художественную ценность полотен.

И вновь ей вспомнился Алешкин взгляд, пронзительно-нежный, с искоркой надежды. Надежды на что? На то, что она ради него разойдется с мужем? Абсурд! Даже если предположить невозможное – Олег бросит ее – с Липатовым у нее нет будущего. Ну не испытывает она к нему ничего, кроме чувства признательности. Да и на кой ему эта паршивая признательность?

И все же ей льстит Алешкина преданность. Столько лет быть госпожой его сердца! Не каждая похвастает такой пленительно-сладкой властью...

Нет, так нельзя! Нашла, чем хвалиться! Разбитым сердцем одноклассника! Надо бы встретиться и поговорить по душам. Чтобы не надеялся. Пусть освободится, стряхнет с себя эту паутину...

Боже, что она несет? Сравнить любовь с паутиной может или дура, или циничная стерва.

Решено! Она поговорит с ним. А что если прочесть ему стихотворение Друниной? Как там? «Не встречайтесь с первой любовью...».

Наморщив лоб в попытке вспомнить продолжение строфы, Дане с минуту сидела на диване, а затем с гримасой досады вскочила и устремилась в кабинет, к книжным полкам. Томик Друниной она листала с такой поспешностью, словно потерянные секунды стоили ей жизни. Отыскав нужное стихотворение, пробежала его глазами, захлопнула книгу и уже наизусть прошептала знакомое четверостишие, делая паузы и осмысливая каждое слово:

Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой —
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой...

Музыкальный сигнал мобильника застал ее в состоянии эйфории.

– Привет! – раздался в трубке низкий голос Анжелы. – Выспалась после вчерашнего?

– Привет, – рассеянно ответила Дана, явно не разделяя воинственного энтузиазма подруги.

– Чем занимаешься?

– Стихи вспоминаю, – честно призналась Дана.

– Стихи? Для новой презентации?

– Нет, для себя.

– Однако куда вас занесло! Чьи стихи-то?

– Друниной.

– Друниной? У-у, и впрямь занесло. В махровый соцреализм... Погоди! Это у нее: «По улице Горького, что за походка»?

– Да. Только я не про походку, а... Впрочем, какая разница?

– Кстати, насчет походки... Как бы тебе помягче сформулировать? Короче, у этой фифы походка тоже скользящая. Как под парусом лодка. Кажется, такое сравнение у Друниной?

– Какой фифы? О ком ты?

– Видела я твоего Олеженьку в ресторане, в компании из шести человек. Три пары. Он, естественно, тоже в паре. С девицей лет семнадцати, модельной внешности. И походка – обалденная!

– Когда?! Где ты его видела?! Почему ты говоришь об этом только сейчас и мимоходом? То есть, если бы я не вспомнила Друнину, то и разговора бы об этом не было?!

– Дана, успокойся! Все не так! Я давно хотела рассказать...

– Давно?!

– Погоди ты, господи! Не перебивай! Дай, я все тебе объясню...

– Когда?

– Что «когда»?

– Не притворяйся идиоткой. Когда это было?

– Неделю назад. В «Атлантиде». Но я просто не хотела портить твою презентацию. Пойми...

Дана поспешила отключила мобильник и отшвырнула его словно змею, с гримасой страха и омерзения. Внутри себя она ощущала не то обжигающий холод, не то закипающую лаву. Ее блуждающий взгляд упал на томик стихов, и тень саркастической улыбки тронула бледные губы.

Оказывается, она до сих пор не изменилась. Все та же дурочка. Читать стихи, как «утонченную» мораль, человеку, которому причиняешь душевные страдания, это ли не глупо? Сто раз глупо, пошло, дико!

* * *

Жемчужно-кремовый «Опель» Дана припарковала небрежно, даже как-то хулигански бесшабашно. Раньше на подобную выходку она бы ни за что не отважилась, потому что любила свою «жемчужинку» как ребенка. Но в последнее время ее жизнь изменилась. Теперь многое выводило ее из равновесия. В самом невинном она искала тайный умысел. В каждой фразе мужа читала скрытый подтекст.

Свое раздражение она вымешала на вещах мужа или его подарках. Вот и «Опель» был подарком к ее дню рождения. В отношениях же с Олегом она прятала свои чувства под маской усталости, под разными предлогами уходила от разговоров и супружеских обязанностей. Впрочем, он и не настаивал. Ссылаясь на заевшую текучку, возвращался с работы позднее обычного и сразу после ужина ложился спать.

Даже не взглянув на задний бампер – не помялся ли о мусорный контейнер при резком заднем ходе, Дана нервно включила сигнализацию и направилась к высокому крыльцу офисного здания.

Вывеска в вестибюле подсказала ей, что детективное агентство находится на третьем этаже, в офисе под номером 333. Оно так и называлось «Три тройки».

Юная секретарша оторвалась от дисплея компьютера и, профессионально улыбнулась:

– Директор ждет вас, проходите!

– Добрый день! – поднялся из кресла седовласый мужчина с офицерской выпрямкой. – Меня зовут Иван Андреевич. Присаживайтесь. Слушаю вас внимательно.

Своим богатым воображением Дана моментально нарисовала Ивана Андреевича в военной форме, выполняющего серьезную боевую задачу, и ей стало стыдно. Явиться к чужому человеку, да еще бывшему офицеру, со своей бабской просьбой...

– Извините, Дана Михайловна, – улыбнулся директор, – по телефону вы говорили о семейных проблемах?

– Да, – сдавленно подтвердила она, не решаясь озвучить причину своего визита.

– У нас работают профессионалы, – не без гордости заявил представитель частного сыска и скромно добавил: – Один из них – перед вами. Итак, чем мы можем помочь?

– Мне надо убедиться... То есть я хочу проверить... Короче, мой муж...

Она чувствовала, что сейчас расплачется. Еще мгновение, и нос захлюпает, потекут слезы, а вместе с ними тушь. Позор! Не хватало, чтобы ее утешали как школьницу, вытирая сопли и отпаивая валерьянкой. Собрав в кулак всю волю, она прямо посмотрела в глаза собеседнику. Тот, как ни странно, не спешил доставать из кармана наглаженный платок, а по-прежнему, не выказывая никаких эмоций, терпеливо ждал.

– Мой муж мне изменяет! – выпалила она громче, чем требовало приличие. – Вот! Как видите, перед вами обыкновенная мещанка! Обманутая жена, которая узнает об измене в последнюю очередь. По всем законам жанра! Анекдот, да и только!

Выдав тираду, она вдруг опомнилась, увидела себя со стороны и ужаснулась. Что о ней подумает этот седовласый военный? Зачем она приперлась? Бежать отсюда, и немедленно!

Слишком порывистое движение, с которым она вскочила с кожаного офисного стула, вызвало неожиданный резонанс. Стул с нарастающей скоростью покатился назад и ударился о журнальный столик. От сильного толчка графин на столике опрокинулся, и по паркету разлилась лужа воды.

Эта сценка произошла в одно мгновение ока, а потому вызвала шок у обоих собеседников. В кабинет заглянула испуганная секретарша.

– Что произошло, Иван Андреич? Помощь не нужна?

– Помощь? – переспросил директор, постепенно приходя в себя. – Да-да, конечно! Неля, вы тут приберите, пожалуйста, а мы перейдем в другой кабинет. Там свободно?

– Ага, свободно.

– Вот и прекрасно. Пойдемте, Дана Михайловна! Мы все обсудим: как нам быть в такой ситуации, что предпринять? А ты, Неля, организуй чай.

Их беседа длилась не менее часа. Дана выложила все, что накопилось в душе: обиды, подозрения, сомнения. Отеческое внимание, с каким директор слушал и задавал вопросы, успокоило и одновременно вселило уверенность, что она сделала правильный выбор, обратившись в это агентство.

– Вот что сделаем, – перешел к деловому тону Иван Андреевич. – Завтра в девять утра вас будет ждать наш сотрудник, в кафе «Марсель». Это на углу Лермонтова и...

– Шостаковича. Знаю.

– Вот и прекрасно. Рассказывать ему все заново нет необходимости. Он задаст несколько вопросов, а потом приступит к своим обязанностям. Каждую неделю мы будем представлять отчет о проделанной работе. Ну как, подходит вам такой план?

– Вполне.

– Замечательно. А теперь остались формальности – подписать договор об оказании услуг. Пройдемте, пожалуйста, в мой кабинет!

По дороге к дому Дана прислушивалась к своей совести, но не почувствовала ни одного укола. Ободренная сознанием своей правоты, как человек, бросивший с души тяжелый камень, она впорхнула в квартиру с бешеным желаниям приступить к работе над сценарием новой презентации.

Но к вечеру ее порыв иссяк, уступив место тоскливому ожиданию. Она ждала Олега, то и дело бросая тревожные взгляды на часы. Не выдержав, позвонила ему на сотовый. Ответа не последовало. окончательно изведя себя самыми нелепыми предположениями, она выпила снотворное и уснула тяжелым сном, будто в черную дыру провалилась.

Из забытья Дану вывел богатырский храп. Открыв глаза, она увидела мужа, спящего на противоположной стороне их широкой кровати, с раскинутыми ногами, в рубашке, но без брюк. В комнате сильно пахло коньяком.

«Где он так напился?» – проворчала Дана, морщась от ядовитых алкогольных паров.

Пошатываясь и зевая, она босиком прошлепала в гостиную, чтобы выключить горевший там свет.

Возле дивана валялся пиджак. Дана наклонилась за ним, продолжая ворчать: «Надо же так налакаться!» Вдруг что-то кольнуло ее внутри. Пока еще неосознанно она втянула в себя воздух и почуяла благоухание модных в этом сезоне духов.

Чужой и нахальный аромат! Запах соперницы! Он проникал в поры, душил, отравлял сознание. Как дыхание смерти, как зловещее предвестие беды.

* * *

«Марсель» представлял собой нечто среднее между купеческим особняком в мавританском стиле и французским шале. В иное время подобная эклектика вызвала бы у Данны ироническую усмешку, но этим утром ей было не до смеха. Поднявшись, как и было условлено, на открытую деревянную веранду с резной балюстрадой, она осмотрелась.

В дальнем углу, за небольшим столиком сидел мужчина и в упор смотрел на нее из-под густых черных бровей. Заметив ее встречный взгляд, приподнялся, делая приглашающий жест рукой. Словно решаясь на прыжок с парашютом, она глубоко вздохнула и устремилась в сторону незнакомца, чувствуя удары сердца у самого горла.

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина и отодвинул стул, помогая ей устроиться за столом.

– Вы из «Трех троек»? – не отвечая на приветствие, строго спросила она.

– Из них, – без тени улыбки подтвердил мужчина и тоже сел за стол, напротив Данны. – Я уже заказал кофе. Не возражаете?

– Нет. Давайте поскорее перейдем к делу, – сухо попросила Дана, почти приказала, не позволяя тем самым своему визави отвлекаться на излишние условности.

– Дело превыше всего, – согласно кивнул агент и достал из кармана записную книжку.

– Вы будете записывать за мной?

– Да, кое-что. Но пусть вас это не беспокоит – у меня особый шифр.

– А-а. Я уж было усомнилась в вашем профессионализме.

– А вы наслышаны о частном сыске?

– Не так чтобы очень… Но про конспирацию знает каждый ребенок.

– Конспирацию я постараюсь соблюдать. Так же как и конфиденциальность.

Ее пристальный взгляд агент выдержал спокойно. Ни одна жилка не дрогнула на довольно приятном, хотя и простоватом, по ее мнению, лице. Как специалиста она охарактеризовала его тоже не очень лестно: «Старателльный службист со средними возможностями и таким же IQ. Посмотрим, на что он способен. Впрочем, не стоит ждать от середнячка блестящих результатов».

– Ваше имя я знаю, – между тем сообщил «середнячок», открывая свою записную книжку. – Поэтому позвольте представиться: Леонид Владимирович Брусника.

– Брусника? – невольно улыбнулась Дана.

– Да. Такая вот редкая фамилия. У нас в Сибири целая деревня Брусники. В смысле, однофамильцев и родственников с этой фамилией.

– А-а, понятно. Скажите, Леонид Владимирович, а вы специалист по адюльтерам?

– То есть?

– Ну, я имею в виду, ваш профиль в агентстве – семейные конфликты?

– А-а, вот вы о чем… Нет, почему же! Я агент широкого профиля. Универсал. Дана Михайловна, я планирую выполнить поставленную задачу в течение недели, максимум десяти дней. От вас потребуется оперативная, т. е. своевременная и точная информация. Связь мобильная и явочная. В этом же кафе. Договорились?

– Угу. А какую информацию вы ждете от меня?

– Например, где находится по вашим сведениям муж: дома или на работе, во что он одет, ну и так далее, смотря по обстановке.

– Понятно.

Официантка принесла заказ, и они на какое-то время замолчали, осторожно прихлебывая из чашек горячий напиток. Шум улицы, не слишком оживленной в этом районе, не отвлекал от беседы, не мешал думать и наслаждаться ароматом кофе.

– Я бы хотел уточнить кое-что, – сказал Брусника и кашлянул.

– Пожалуйста.

– Какими вы видите наши результаты? Вас устроит лишь имя, адрес и социальное положение любовницы вашего мужа или вам надо знать больше?

– Хм, даже не знаю…

Дана порозовела, опустила глаза, расстегнула сумочку, лежащую на столе, зачем-то вынула из нее пудреницу.

– Например, мы могли бы установить и другие связи, – пришел на помощь агент, заметив ее замешательство.

– Другие? – эхом повторила Дана. – Я не понимаю…

– Кхм! Ну я имею в виду неформальные отношения вашего супруга. Круг его друзей, приятелей, простите, собутыльников… Например, тех, с кем он бывает на охоте.

– А-а, поняла. Да, конечно. Было бы интересно узнать, с кем он убивает невинных зверей.

– И что, много трофеев добыл Олег Петрович?

– Одного медведя и несколько волков. Зайцы не в счет.

– Да-а, жалко косолапого. Если не шатун, не людоед, то пусть бы еще побегал, порадовался жизни.

– А вы в своей деревне разве не охотились?

– Дед охотник был, и рыболов заядлый. А мы с отцом – городские жители. Так, в отпуске, разве что, побалуешься с удочкой, отсидишь пару зорек…

– А я ни разу не была. Наверное, хорошо на берегу ранним утром, красиво?

– Красиво, – улыбнулся сыщик, – но если комарье да мошка одолеют, то под москитной сеткой уже не до пейзажа. Извините, а вы в какой галерее директор?

– В «Новом веке».

– А-а, это напротив драмтеатра?

– Да. Вы там бывали?

– Как сказать? Был пару раз, но все неудачно.

– То есть?

– На абстракцию нарывался. Мне реализм как-то ближе. Вот есть, например, в городе такой художник – Мечников. Его картины мне понятны. Есть в них правда и чувство настоящее, не надуманное, не фэнтези какое-нибудь. Это ничего, что я так разоткровенничался? Мои топорные суждения, наверное, режут слух?

– Отчего же? Мечников и мой любимый художник. Хотите, познакомлю?

– С Мечниковым?!

Наивное, почти детское выражение его лица, в котором смешались одновременно изумление, восторг и недоверие, так насмелили Дану, что она расхохоталась. А Брусника смущился и рассердился. Но, скорее, на самого себя.

– Вы извините, – отсмеявшись, попросила Дана. – У меня нервы в последнее время не в порядке. То смеюсь, то плачу...

– Гм, ничего. Бывает.

– А с Мечниковым я вас познакомлю. Как только представится случай. Если хотите, пришлю приглашение на открытие очередной выставки. Виктор Ильич наверняка будет.

– Да как-то неловко, – замялся Брусника.

– Не выдумывайте! – отмахнулась Дана. – Художники – народ демократичный. Кстати, его может заинтересовать ваша внешность. Не приходилось позировать?

– Не-ет.

– У вас типаж положительного героя, «рабочей косточки».

– Передовика производства?

– Вот-вот! Только антураж теперь другой. Не мартены и токарные станки, а инопланетные миры, роботы и прочее...

– Фэнтези? – подсказал Брусника.

– Ага, – снова рассмеялась Дана.

– Значит, токарные станки для вас только антураж?

– Не ловите меня на слове. Ведь речь идет о живописи. А вас это задело?

– Ну как сказать... Отец у меня токарь шестого разряда. Шестьдесят лет ему, пенсионер, но до сих пор работает, начальство уговорило. Молодым не интересно пахать у станка, все в торговлю да в бизнес подались...

– Или в сыщики.

– М-да, это вы верно заметили. Мой путь в агентство был не прост...

– Тернист и извилист?

– Ха-ха-ха! А я вас другой поначалу представил.

– И мое первое впечатление обманчиво.

– Да? Интересно, каким я вам показался? Наверное, тугодумом? Но с большими амбициями.

– Почти угадали. А теперь ваша очередь. Только честно!

– Хм! Не обидитесь?

– Постараюсь.

– Нет, все же воздержусь. Все-таки я на службе, а вы моя клиентка. Служебный этикет, знаете ли.

– Какой скучой повеяло... Ну ладно, не буду отвлекать вас от дел. Если больше нет вопросов, я пойду.

– Минутку, Дана Михайловна! А по поводу Мечникова вы серьезно?

– Что «серьезно»?

– Ну, можете показать мне его?

– Ха-ха-ха! Какой вы... смешной! Он что, шимпанзе в зоопарке, чтобы на него смотреть? Я же сказала, что познакомлю. Кстати, вы можете убедиться, насколько твердо я держу слово. До сих пор еще никто не упрекнул меня в обратном. До свиданья, господин Брусника!

– Всего доброго!

* * *

Итак, она следит за собственным мужем. Импульсом, толкнувшим ее на радикальные шаги, была необузданная ревность. Сообщение Анжелы вызвало шок, ни с чем не сравнимое ощущение сильного ожога.

«Вот тебе еще одна Хризафора! Такая же наглая и бессердечная, – пришло к Дане удачное сравнение. – Откуда они берутся, эти ненасытные твари?»

Как остра боль ужаленного ревностью сердца! И чем унять ее? Неужели только время – единственный целитель?

Тем не менее, по прошествии нескольких дней Dana нашла аргументы, в какой-то степени оправдывающие мужа. Разумеется, измену простить очень трудно. Но если подойти здраво...

Именно здраво и по-своему остроумно рассуждает на эту тему Анжела: «Мужик ближе к природе. Его дремучие инстинкты во много раз сильнее. Он не властен над ними, а если сопротивляется, то ослабевает и начинает чахнуть, постепенно превращаясь в неврастеника».

Боже, как просто обсуждать чужие проблемы! Dana с легкой душой выслушивала любовные истории подруги, не жалела советов и даже находила смешные стороны в ее неудачных романах. А столкнувшись с собственной бедой, растерялась так, что утратила чувство не только юмора, но времени и пространства.

Нет, Олег не похож на Анжелкиных любовников: разведенных неудачников или жена-тых «мажоров», отыкающих от семейной жизни. Во-первых, он умен и успешен. Не каждому доверят такую ответственную должность. И если та вечеринка в «Атлантиде» не приснилась Анжеле, и Олег действительно был в компании «фиФы со скользящей походкой», то объяснить это просто. Он очень устает на работе. Задергенному служебному чиновнику лучше отдохнуть не в скучной обстановке дома, а «оторваться» в шумной попойке с хорошенными секретаршами. Олег не предатель. Просто он...

Из-за набежавших слез она не видела дорогу – пришлось свернуть на обочину. Руки, обхватившие руль, дрожали. На душе было так паршиво, что хотелось выть. По-волчьи. Ха! Вот она и сроднилась с любезными сердцу зверями. Вот уж воистину: накаркала себе судьбу.

Достав из сумочки носовой платок, она промокнула глаза.

Куда ехать? К себе, в галерею? Но сегодня там никакой работы. Встречу со скульптором наметила на завтра. Домой? Нет, куда угодно, только не в квартиру, где вид мужниных вещей причиняет невыносимые муки, а звонкая пустота огромных комнат усиливает чувство одиночества. Позвонить Анжелке? Она, конечно же, занята. Ее ресторанчик хоть и невелик, но хлопот с ним выше крыши. Да и как не хлопотать, когда кругом жуткая конкуренция?

И все же ей необходимо услышать низкий, с хрипотцой, родной голос подруги. Пусть даже это будет ругань, типа: не отрывайте меня по пустякам, когда обсуждается меню с главным поваром!

– Алло, Анжела? Я не вовремя? – как можно спокойнее спросила Dana, но голос все же дрогнул.

– Данюша? Ты откуда?

– Домой еду. А ты что делаешь?

– Водку дегустирую.

– Неплохо. А заодно и селедку?

– Ха-ха-ха! Если бы! У меня не тот случай. Поставщик решил за мой счет разжиться, «паленку» подсунул. Но не ту напал, поганец! Составим акт по всей форме, и пусть выкручивается. А ты чего звонишь-то?

– Да так, поговорить…

– О чем? Что-то экстренное?

– Нет, ничего такого. Просто я… Мне…

И вновь ее подвел голос – завибрировал на высокой ноте. Еще немного и она зарыдает прямо в Анжелкино ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.